

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94"04/15"

К. Г. Тебенёв

ОСОБЕННОСТИ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ НА ПРИМЕРЕ «КЕНТЕРБЕРИЙСКИХ РАССКАЗОВ» ДЖ. ЧОСЕРА

Статья посвящена анализу брачных отношений в произведениях великого английского поэта Дж. Чосера. Автор ставит своей целью выявление специфики этих отношений в связи с социально-экономическим развитием Англии XIV в. Делается вывод о том, что супруги смотрят на брак как на взаимовыгодную сделку, что связано с интенсификацией товарно-денежных отношений в регионе в означенный период. Ставится вопрос о специфике генезиса нового уклада в средневековой Англии.

Ключевые слова: Джеффри Чосер, «Кентерберийские рассказы», гендерный дискурс, средневековая Англия, брак в средневековой Англии, товарно-денежные отношения.

Кризис исторической науки, который отмечался и исследовался многими учеными [1], как и всякий кризис, нес в себе не только разрушающие тенденции, но и потенции для обновления структуры, сути и направленности исторического познания и знания. Антропологический поворот открыл новые горизонты изучения мира человека в его целостности и совокупности как живого создания, движущегося в истории. Его мысли, эмоции, отношение к существующей реальности и исторической действительности достаточно давно стали предметом многих исследований разной глубины и охвата.

На волне этих тенденций возникли разные направления: и история повседневности, и история ментальности, и гендерная история. С одной стороны, это привело к более глубокому и всестороннему изучению обществ прошлого, но, с другой – поставило вопрос о соединении разных областей в некую единую целостную картину жизни прошлого. Ясно, что на данном этапе развития исторической науки необходимо синтезировать эти знания, что позволит создать более цельную картину прошлого [2]. Автором данной статьи уже принимались такие попытки [3].

При этом объект нашего исследования, творчество великого английского поэта Дж. Чосера, жившего в эпоху перехода от традиционного общества к современному и отразившего трансформацию старых представлений и идей, позволяет подступить к решению данной проблемы. В данной статье исследуется гендерный аспект творчества поэта и его взаимосвязь с новыми тенденциями.

Гендерная проблематика подверглась достаточно глубокому изучению со стороны исследователей, прежде всего западных, однако вопрос связи гендерного дискурса, и в особенности репрезента-

ции брачных отношений, в произведениях поэта в их соотношении с социально-экономическими реалиями времени либо не затрагивался, либо изучался мало. Так, А. Блимires скрупулезно анализирует развитие идейного содержания взаимоотношения супругов, рассматривая эволюцию таких взглядов в значительной степени вне исторического контекста, и возникает ощущение, что эти идеи развивались в вакууме без взаимодействия с определенными историческими факторами [4]. Другой исследователь, М. Маси, во многом пытается преодолеть эту тенденцию, уделяя значительное место взаимоотношениям супругов в своем исследовании «Чосер и гендер», однако связь между увеличением обменных операций и новыми представлениями об отношении между супругами им хоть и постулируется, но не получает дальнейшего обоснования [5]. Следует также отметить, что часть исследователей не видят в гендерном дискурсе поэта каких-либо новых идей, сводя многие его новшества к аллюзиям и скрытой насмешке [6]. Интересно исследование известного английского ученого В. Колва, который отмечает нечто странное в позиции Чосера относительно брака, однако эта проблема разрешения в его монографии не находит [7].

Можно сделать вывод, что исторический контекст формирования гендерных в целом и брачных в частности представлений Дж. Чосера остается за скобками исследовательских работ. Утверждая своеобразие идей, порожденных поэтом, отыскивая источники его идей в различных современных ему работах и античных трактатах, ученые в недостаточной степени исследовали исторические условия формирования этих взглядов, которые, очевидно, стали в значительной степени отражением той ситуации, в которой находился регион в XIV в.

Время, в которое жил этот великий поэт, являлось эпохой интенсификации товарно-денежных отношений, когда Англия готовилась к зарождению капитализма, возникшего к концу Средних веков в этой стране. При этом происходившие изменения оказывали значительное влияние и на ментальность людей, на сознательном или часто бессознательном уровне отражая происходившие трансформации общественного устройства. Так, у англичан в эту эпоху формировалось новое представление и отношение к тем новым торговым практикам, которые росли вглубь и вширь в это время [8]. Причем более позитивное отношение к этим новым видам деятельности становилось условием дальнейшего усиления и укрепления нового экономического уклада, поэтому изучение субъективного восприятия человеком того или иного явления позволяет глубже понять взаимосвязь макро- и микроисторического срезов. А сам Дж. Чосер не просто жил в это время, но и, будучи королевским чиновником, дипломатом, судьей и депутатом, также был активно вовлечен в эти новые процессы.

Таким образом, актуальность статьи заключается в попытке вписать фигуру Дж. Чосера в современный исторический контекст, что позволит, с одной стороны, понять, почему его взгляды были именно такими, а с другой – выявить особенности развития английского общества в указанный период.

Цель статьи – выявить специфику взаимоотношений мужчины и женщины в браке в их связи с историческими реалиями английского общества XIV в. на основе произведений Дж. Чосера, а именно самого известного его творения – «Кентерберийских рассказов». В данной статье будет проанализировано несколько рассказов из этого произведения, где взаимосвязь обменных операций и взаимоотношений супругов особенно выделена.

Основным источником послужили «Кентерберийские рассказы» на языке оригинала в классической редакции в издании *Wordworth poetry Library*, снабженном необходимым научным аппаратом и комментариями [9].

Тема брака возникает уже в прологе Батской Ткачихи и связана с ее отношением к мужчинам:

Myn housbonde shal it have bothe eve and morwe,
Whan that hym list come forth and paye his dette.
An housbonde I wol have, I wol nat lette,

Which shal be bothe my dettour and my thral [9, p. 203] (здесь и далее перевод автора).

У моего мужа должно быть и утром, и вечером, / Так что, когда он хочет прийти и оплатить свой долг, / Я его захочу и не отстану от того, / Кто будет одновременно и моим кредитором и моим слугой.

Подобный взгляд находит свое выражение и в отношении с ее первыми четырьмя мужьями, она отмечает, что они дают ей свои земли и богатства, ради получения которых ей не нужно особо напрягаться *Thay had me give her lond and her tresor – / Me nedith not no lenger doon diligence* [9, p. 205]. Причем разговор этот ведется в контексте супружеского долга, который ее богатые мужья отдать в удовлетворяющем Женщину из Бата виде не могут... *I laugh whan that I thinke / How pitously on night I made hem swynke* [9, p. 205]. Иначе говоря, они платят ей и сексуально, и финансово, но при этом она все равно не удовлетворена окончательно, хотя, очевидно, и довольна. При этом даже части мужского тела она сравнивает с хранилищем денег, а денежную сумку с мужской силой [5, p. 93]. Брак, таким образом, – это сделка, в которой женщина получает определенную выгоду, продавая свой «товар». При этом Женщина из Бата получает двойную выгоду – и сексуальную, и материальную [5, p. 95–97].

Важно отметить, что Батская Ткачиха смотрит на себя как на товар, который она обменивает на нужные ей вещи. Она прямо говорит, раз уж Бог дал половые органы, то не только для отправления естественных потребностей, а значит, их нужно использовать по назначению: *That thay were made for purgacioun / Of uryyn, and oure bothe things smale / Was eek to knowe a femel fro to male / And fro non other cause? Say ye no?* [9, p. 206]. И даже ограничения, которые она вводит, говоря, что женщину нельзя перед использованием проверить, как быка или другие товары (*Thou saist that essen, oxe and houndes, / They ben assayed at divers stoundes – / Basyns, lavours eek er men hem bye; / Spones and stooles and al such housbondrie, / And pottes, clothes and array; / But folk of wyves maken non assay / Til thay ben weddid, old dotard schrewe!* [9, p. 207]), сигнализируют о том, что она производит это уподобление и считает, что эти вещи сопоставимы. Более того, она говорит о том, что обладание женщиной необходимо мужчине, причем это обладание выражается в сексуальной сфере. Для усиления этого акцента она прямо использует слова, имеющее значения «удовольствие», а также «женские гениталии» – *queynte*. Она говорит следующее: *For certes, olde dotard, with your leve, Ye schul have queynte right ynough at eve* [9, p. 208].

Конечно, старый дурак, перед тем, как отойти, / Ты должен иметь удовольствие (*queynte*) достаточно вечером.

Параллелизм происходящих в Англии в это время процессов отразился и в том, что подобное отношение обнаруживается и в творчестве современника Чосера, его товарища, придворного поэта Дж. Гауэра, которого Чосер называл «моральный

Гауэр», намекая на его любовь к нравоучениям и морализаторству. Известный исследователь творчества Чосера А. Бламирес отмечает, что в *Confessio Amantis* Гауэр пишет о девственности как о хорошем товаре, который могут украсть, поэтому за ним надо следить [4, р. 98]. Несмотря на то что здесь речь идет не о браке, для нас важно зафиксировать повторяющийся мотив связи секса и обменных операций, который мы уже наблюдали в монологе Женщины из Бата.

Таким образом, брак – это своего рода сделка, которая совершается между мужчиной и женщиной для пользы обоих. А. Бламирес в этой связи замечает, что жена должна следить за своим телом, как за товаром, так же как и муж [4, р. 135]. Хотя в случае с Женщиной из Бата прежде всего для ее пользы. Она готова удовлетворять все желания мужчины, чтобы получить выгоду. *With empty hond men may noon haukes lure. / For wynnyng wold I al his lust endure, / And make me a feyned appetyt* [9, р. 211]. И если ей удастся продать себя, то она ходит свежая, как какая-нибудь роза. *For if I wolde selle my bele chose, / I southe walk as freisch as eny rose* [9, р. 212]. Буквально она говорит о том, что продает свои половые органы (*selle me bele chose*), причем использует термин, означающий «движимое имущество». Она не просто осознает себя как товар, она воспринимает свои гениталии как средство обмена. Это то, чем она зарабатывает себе на жизнь и чем покоряет мужчин, чем она «платит» мужчинам. Секс и деньги в ее дискурсе выступают как взаимозаменяемые товары, которые можно обменять [5, р. 145].

Существуют и определенные правила, которые напоминают современные законы спроса и предложения:

*Greet pres at market makith deer chaffare
And to greet chep is holden at litel pris* [9, р. 214].

Многие люди на рынках совершают дорогие покупки, / И то, что дешево, многого не приносит.

Эти строки заодно могут служить и предостережением от неудачных приобретений. Таким неудачным приобретением для Батской Ткачихи стал ее пятый муж, образованный клерк [5, р. 98–99]. Только в этом случае они поменялись местами. Постаревшая женщина, чей «товарный вид» стал намного хуже, уже не может предлагать свой «товар». Она заработала достаточно, чтобы покупать за деньги молодого мужчину, который обеспечивает ей то, что она обеспечивала своим мужьям.

Как и ее мужья не могли полностью оплатить такую сделку, так и она не может. Сделка эта неудачна, как показывает ссора ее с мужем-клерком. Он закидывает ее антифеминистическими высказываниями, доказывая, что женщины греховны, и она беспомощна. Только хитрость помогает по-

ставить его на место и вернуть власть над ним. Но очевидно, что брак этот не совсем удачен и сделка не оправдывает своих ожиданий [4, р. 121].

Этот сюжет наталкивает на мысль, что Чосер отрицательно относится к такого рода отношениям или, по крайней мере, размышляет о правильности и успешности отношений, построенных на деньгах и материальных ценностях (что, впрочем, не означает, что он их полностью отрицает). Также следует отметить, что данный гендерный дискурс – это мужской взгляд на женщин и гендерные отношения. Эти выводы не означают, что женщины так себя оценивали, это лишь значит, что мужчины стали смотреть более практично и приземленно на женщин, на их роль в обществе и необходимость брака. А. Бламирес в этой связи замечает, что такая переориентация позволяет мужчинам получить то, что в традиционной доктрине о благочестии получить было проблематично [4, р. 146]. Иными словами, происходит снижение идеалов куртуазной любви, которые никоим образом не могли быть соотнесены с подобным пониманием взаимоотношений.

Следует также отметить речь Женщины из Бата, которая отражает ее коммерциализованное сознание. Ее монолог полон торговых словечек. Она постоянно говорит о долге, который мужья должны отдавать женам: *That man schal yelde to his wif his dette / Now wherewith schuld he paye his payment* [9, р. 202–203], называет мужей кредиторами: *As housbond wol I have, wol not lette, / Which schal be bothe my detour and my thral* [9, р. 203]. Далее она только усиливает эти ассоциации, когда утверждает, что может управлять своими мужьями для своей выгоды: *But it were for my profyt ot myn ease* [9, р. 205], и ради этого готова удовлетворять мужа и притворяться: *For wynnyng wold I al his lust endure, / And make me a feyned appetyt* [9, р. 211]. Ее сравнение женщины и ее половых органов с товаром, о чем уже было сказано выше, и их продажа: *For if I wolde selle my bele chose* [9, р. 212], требования владеть имуществом мужа: *Thy keyes of thy chist away from me? / It is my good as wel as thin, parde!* [9, р. 208], рассказ о пятом муже, которому она отдала земли и ренту с них: *And to him gaf I al the lond and fee* [9, р. 216], упоминания, что мужчина, который не может заниматься любовью, не стоит и ботинка: *The clerk, whan he is old and may nought do / Of Venus werkis, is not worth a scho* [9, р. 218], указывают на то, какую роль в сознании этого персонажа играли торговые отношения. Американский ученый М. Маси замечает по этому поводу, что «подразумеваемый здесь уровень дискурса – это четко видимый мыслительный процесс, который исходит из коммерческого мира счетов,

оплаченных чеков, торговли и важности финансовых транзакций» [4, p. 95]. Все это указывает на то, что сознание Женщины из Бата – продукт экономического развития Англии этого периода, бюргерства, имеющего экономическую независимость и формирующего собственную идеологию [10, p. 281]. Ее мировосприятие сформировано миром обменных операций, что отразил ее брачный дискурс. Следует при этом иметь в виду, что образ Батской Ткачихи создан Чосером, а значит, ее дискурс – это в определенной степени мировосприятие поэта, активно вовлеченного в товарно-денежные отношения.

Другой не менее показательный пример мы находим в рассказе Шкипера. Сюжет строится вокруг адюльтера, совершенного женой купца, которой не хватало денег на свои нужды.

Рассказчик, описывая любовь жены купца к различным увеселительным мероприятиям, нарядам и в целом к тратам, предъявляет мужчинам ряд требований: они должны их одевать в хорошие одежды, так как в такой одежде они танцуют веселее: *But wo is him that paye moot for al. / The sely housbond alगत most pay, / He most us clothe in ful good array, / Al for his oughne worship, richely, / In which array we daunce jolily* [9, p. 490], и заключает:

*And if that he may not, paraventure,
Or ellis wil not such dispenc endure,
But thynketh it is wasted and y-lost,
Than moot another paye for oure cost,
Or lene us gold that is perilous* [9, p. 490].

Но, если он не может, возможно, / Или еще не может нести такие расходы, / Но думает, что все потрачено и потеряно, / Тогда другой должен платить за нас, / Или занимать золото, хотя это и опасно.

Таким образом, здесь утверждается мысль о том, что мужчина должен оплачивать все прихоти женщины, а если он не может, то тогда мужчину можно поменять. Очевидно, что женщина в таком случае должна чем-то платить взамен, и этой оплатой становится сексуальное удовлетворение, которое используется женщиной для получения материальных благ. Следует сразу оговориться, что речь не идет о проституции, по крайней мере явной, так как все эти вопросы поднимаются только в браке и только в его рамках возможен такой обмен. Речь, скорее, идет о том, как женщина использует свою сексуальность в браке для достижения своих целей, обменивает ее на другие «товары». Здесь прослеживается параллелизм поднимаемых тем, ведь нечто похожее имеется и в прологе Батской Ткачихи. Это указывает на то, что отмеченные идеи носят не случайный, но системный характер.

Итак, история с адюльтером начинается с того, что жена купца жалуется монаху на свое непростое

положение. Следует отметить, что монах сразу намекает на то, что ей не хватает сексуальной близости с мужем:

*I trowe, certis that oure goode man
Hath on yow laborid sith the night bygan,
That yow were nede to resten hastiliche.
And with that word he lowgh ful meriliche,
And of his owne thought he wax al reed* [9, p. 493].

«Я думаю, конечно, что наш хороший человек / Работал на тебе с начала ночи, / Так, что тебе был бы нужен скорый отдых». / И с этими словами он засмеялся, полный веселья.

Последнее замечание наталкивает на мысль, что монах понимал, о чем говорит, и что данная тема была сложной для собеседницы. Причем и жена купца быстро поняла, к чему он клонит. Само начало ее ответа со словами «it stant no so with me» («мои дела обстоят не так») намекает на сексуальный подтекст, так слово «stant» имеет значение «стоять». Причем эта фраза, как указывает М. Маси, также отсылает и к ее финансовому состоянию [4, p. 88]. Эта фраза совмещает в сознании жены сразу оба аспекта, и когда она слышит намеки монаха, то, видимо, сразу понимает, каким способом она может получить желаемые деньги, то есть тем способом, который не работает с мужем, так как сексуальных отношений у них нет.

Дальше она говорит:

*For by that God that gaf me soule and lif,
In al the reme of Fraunce is ther no wyf
That lasse lust hath to that sorry play
/ ... /*

That I was born; but to no wight... [9, p. 493].

Во имя Бога, что дал мне душу и жизнь, / Во всем королевстве Франции нет жены, / Которая меньше бы желала иметь эту печальную игру / ... / Я была рождена, но не нужна никому.

Затем жена купца продолжает, что не смеет сказать, как у нее дела, опять употребляя конструкцию со словом «stant» (*How it stont with me*), а дальше говорит о том, что хочет к концу (...of myself to make an ende). Как видно, употребление слова «stont» и «ende» могут служить некими намеками монаху. Как пришел конец ее сексуальной жизни, так пришел конец ее денежному благополучию. При этом ясно, что ни о каких реальных попытках самоубийства речи не идет. Наконец, она подходит к главному пункту. Жена купца должна 100 франков, которые нужно срочно вернуть, и просит монаха занять их. При этом подчеркивается, что муж не выполняет условий сделки. В этом случае и жена имеет полное право нарушить сделку со своей стороны. И она эта делает, когда говорит:

*For at a certein day I wol yow pay,
And do yow what pleasaunce and service*

That I may do, right as you list devyse;
And but I do, God take on me vengeaunce... [9, p. 495].

В нужный день я верну деньги / И сделаю для вашего удовольствия и удобства, / Что я могу сделать, точно как вы захотите придумать, / И если я не сделаю, то пусть Бог мне мстит.

Жена купца весьма прозрачно предлагает свое тело в обмен на деньги, ведь муж не выполняет условия брачной сделки сразу в двух пунктах. Он не дает денег и не удовлетворяет жену сексуально [4, p. 89]. В этих условиях она не может позволить «товару» простаивать, ведь, как говорила еще Женщина из Бата, женщины стареют и теряют товарный вид [4, p. 97]. Поэтому, обращаясь к монаху, жена купца надеется получить денег и расплатиться привычным ей способом.

Когда сделка была заключена, монах уточняет ее условия:

Than whan your housbond is to Flaunders fare,
I schal deliver yow out of youre care [9, p. 495].

Так что, когда твой муж уедет во Фландрию, / Я избавлю тебя от твоих забот.

М. Маси по этому поводу резюмирует: «она и монах быстро достигли согласия, и мы видим, что деньги и секс в разговоре часто взаимозаменяемы» [5, p. 89].

Купец в этой истории играет далеко не второстепенную роль. Он также активно вовлечен в обменные операции, хотя эти операции несколько иного рода. Его сексуальная энергия, которую он должен тратить на свою жену, связана с его финансовым успехом или даже коррелируется с этим успехом [4, p. 91]. Когда его энергия посвящена деньгам, секс отходит на второй план, но при этом мера его коммерческого успеха определяется сексуально [4, p. 91]. Так, когда он рассказывает о трудностях торговли и о том, что ему необходимы советы и помощь (And therfor have I gret necessite / Upon this queynte world to avyse me, / For everemor we mote stond in drede / Of hap and fortun in our chapmanhede [9, p. 490]), он использует уже упоминавшееся слово «queynte», имеющее значение «женские половые органы». В таком значении оно было использовано Женщиной из Бата и в рассказе Мельника [4, p. 90]. Также купец использует слово «stond», которое использовала его жена при разговоре с монахом в сексуальном контексте. При этом и как мужчина купец не плох [6, с. 180]. Можно предположить, что он не уверен, испытывает страх (drede) перед возможными финансовыми неудачами, кои были весьма реальны в условиях развивающейся экономики, и этот страх проникал и в сексуальную сферу. Неуверенность в финансовом благополучии мешала и сексуальному успеху. А. Бламирес даже замечает, что купец не уверен

в том моральном статусе, который он приобрел, занимаясь торговлей [4, p. 125], что также может усиливать неуверенность.

Когда купец возвращается после совершения удачной сделки, его сексуальные силы возвращаются:

And hom he goth, as mery as a popinjay,
For wel he knew he stood in such array
That needes most he wynne in such viage
A thousand frenkes above al his costage.

/ ... /

And al that night in myrthe they ben sette,
For he was riche and clerly out of dette [9, p. 500].

И он возвращался домой счастливый как попугай, / Так как он знал, что сейчас находился в таком состоянии, / Что прибыль, которую он должен получить в этом путешествии, / На тысячу франков больше, чем его расходы / ... / И всю ночь в удовольствии они провели, / Так как он был богат и очевидно без долгов.

Итак, купец обменивает свой коммерческий успех на сексуальный. Благодаря ему он может выполнять свой супружеский долг. Завершающим аккордом, своеобразной финальной росписью на брачном договоре становятся слова жены, показывающие всю направленность этого рассказа:

Ye han mo slakke dettours than am I,
For I wol pay yow wel and redily
Fro day to day, and if so be I faile;
I am your wif – score it upon my taile,
And I schal paye it as soone as I may [9, p. 501].

Ты мой большой должник, чем я! / Так, я плачу тебе хорошо и всегда / День ото дня, и даже если я когда не отдам, / Я твоя жена – запиши это на мой счет, / И я заплачу, как только смогу.

Таким образом, и в этом случае жена пошла на измену только потому, что муж не выполняет условий брачной сделки. Она не может пойти на измену без видимой причины, как например героиня «Декамерона». Монах в этом случае просто подменил купца, пока тот был занят коммерцией. Купец, совершив успешную сделку, теперь может вернуться к своим супружеским обязанностям. Здесь адюльтер обусловлен желанием получить «прибыль», заставить товар работать и получать доход.

Если сделка по какой-либо причине проваливается, нужно искать другие выходы, ведь, как упоминала Батская Ткачиха, данный вид товара имеет свойство портиться. Здесь мы видим пример буржуазной этики, опрокинутой на отношения между людьми, что доказывает, что влияние товарно-денежных отношений оказало важную роль на трансформации сознания Чосера, который размышляет о том, каким образом эти отношения могут быть спроецированы на людей. При этом согласимся

с тем, что констатирует российский исследователь А. Н. Горбунов, автор единственной в отечественной историографии монографии о Дж. Чосере, который пишет, что коммерция в этом рассказе полностью победила [6, с. 181], хотя с его оценками этого рассказа как сюжета, осуждаемого Чосером, мы, безусловно, согласиться не можем.

Такие коммерческие отношения между людьми Чосером не осуждаются открыто [11, р. 119–120]. Не ясно вообще, в какой степени это им осознавалось, но очевидно, что порицания мы в его произведениях не найдем. Хотя совершенно отрицать моральную наполненность рассказа, как это делают некоторые исследователи [6, р. 45], кажется несколько поспешным.

При этом Чосер трактует этот сюжет отлично от похожего в «Декамероне» Боккаччо. Во-первых, сама эта проблематика для Дж. Боккаччо значительно менее интересна [12, р. 84], а во-вторых, и история сильно отличается. В «Декамероне», где в одном из рассказов женщина также продала свое тело, она подвергается жестокому осуждению со стороны

рассказчика [13, с. 504–506], что, кстати, вообще характерно для итальянца [12, р. 86–87], в то время как жена купца у Чосера не только не попадает, но и быстро соображает, что ответить мужу, а сам рассказ является ее триумфом [14, р. 59]. Это говорит о той разнице, которая существовала между Италией и Англией в развитии товарно-денежных отношений. Если Дж. Боккаччо уже мог отразить происходящие изменения и сформировать свое отношение к ним, то Чосер отразил эти изменения, не всегда сам их осознавая, поэтому мы и не найдем подобного осуждения.

Таким образом, означенные изменения указывают, с одной стороны, на скорость генезиса нового уклада в Англии, которая, очевидно, отставала от своего континентального соседа, а с другой – на специфику протекания этого процесса на острове, имеющей в своей основе особенности английской цивилизации в целом, которая заключалась в позднем включении региона в орбиту влияния Римского культурного ареала и большого удельного веса варварского начала.

Список литературы

1. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
2. Николаева И. Ю. Архаика и гендерные коды культуры в свете исследования сферы бессознательного // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2006. № 1. С. 92–98.
3. Тебенёв К. Г. Современные методологические ресурсы анализа гендерного дискурса на примере творчества Дж. Чосера // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2013. Вып. 7. С. 59–64.
4. Blamires A. Chaucer, ethic and gender. New York: Oxford university press, 2006. 263 p.
5. Masi M. Chaucer and Gender. New York: Peter Lang, 2005. 165 p.
6. Горбунов А. Н. Чосер средневековый. М.: Лабиринт, 2010. 335 с.
7. Kolve V. A. Chaucer and the Imagery of Narrative: The First Five Canterbury Tales. Stanford: Stanford university press, 1984. 568 p.
8. Гуревич А. Я. Средневековый купец // Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 97–131.
9. Chaucer Geoffrey. The Canterbury Tales. L.: Wordsworth Edition Limited. 2002. 706 p.
10. Patterson L. Chaucer and the subject of history. Madison. Univ of Wisconsin Press, 1991. 489 p.
11. Rogers E. William, Dower P. Thinking about money in Chaucer's Shipman's Tale / New readings of Chaucer's Poetry. D. S. Brewer, 2003. P. 119–138.
12. Mann J. Satisfaction and Payment in Middle English Literature. Cambridge: Girton College. 1980. 278 p.
13. Боккаччо Дж. Декамерон / пер. с ит. Н. Любимова; вступ. Ст. Б. Пуришева; примеч. Н. Томашевского. М.: Правда. 1989. 752 с.
14. Lawrence W. W. Chaucer's Shipman's Tale // Speculum. 1958. Vol. 33, № 1. P. 56–68.

Тебенёв К. Г., аспирант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: konstantinteb@gmail.com

Материал поступил в редакцию 28.11.2013.

K. G. Tebenev

SPOUSES' RELATIONSHIP PECULIARITIES IN MEDIEVAL ENGLAND THROUGH G. CHAUCER'S CANTERBURY TALES

The article is devoted to analysis of spouses' relationship in famous English poet G. Chaucer's creations. The author puts a question of its peculiarities to be connected with social and economic development of England in XIV century. Conclusion to be done shows spouses evaluating marriage as a transaction and this feature links to growing commodity-money relationships within the region this period. Peculiarities of development of new social and economic structure are discussed.

Key words: *Geoffrey Chaucer, Canterbury Tales, gender discourse, medieval England, marriage in medieval England, commodity-money relations.*

References

1. Repina L. P. *History at the border of the XX–XXI cc.* Moscow, Krugh Publ., 2011. 560 p. (in Russian).
2. Nikolaeva I. Y. Archaic and Gender Cultural Codes in Context of Research the Sphere of Unconscious. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2006, vol. 1, pp. 92–98 (in Russian).
3. Tebenev K. G. Actual methodological approach to Chaucer's gender discourse analysis. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, vol. 7, pp. 59–64 (in Russian).
4. Blamires A. *Chaucer, ethic and gender.* New York, Oxford university press Publ., 2006. 263 p.
5. Masi M. *Chaucer and Gender.* New York, Peter Lang Publ., 2005. 165 p.
6. Gorbunov A. N. *Medieval Chaucer.* Moscow, Labirint Publ., 2010. 335 p. (in Russian).
7. Kolve V. A. *Chaucer and the Imagery of Narrative: The First Five Canterbury Tales.* Stanford: Stanford university press Publ., 1984. 568 p.
8. Gurevich A. Y. *A medieval merchant // Odysseus. Man in history.* Moscow, 1990, pp. 97–131 (in Russian).
9. Chaucer Geoffrey. *The Canterbury Tales.* L.: Wordsworth Edition Limited, 2002. 706 p.
10. Patterson L. *Chaucer and the subject of history.* Madison. Univ of Wisconsin Press Publ., 1991. 489 p.
11. Rogers E. William, Dower P. *Thinking about money in Chaucer's Shipman's Tale / New readings of Chaucer's Poetry.* D. S. Brewer, 2003, pp. 119–138.
12. Mann J. *Satisfaction and Payment in Middle English Literature.* Cambridge: Girton College Publ, 1980. 278 p.
13. Boccaccio G. *The Decameron.* Moscow, Pravda Publ., 1989. 752 p. (in Russian).
14. Lawrence W. W. Chaucer's Shipman's Tale. *Speculum*, 1958, vol. 33, no. 1, pp. 56–68.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul.Kievskaya 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: konstantinteb@gmail.com